

АЛЕКСАНДР ЧЕРВАКОВ

ДВЕ СТОРОНЫ

ЧАСТЬ 2. ДАГЕСТАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Черваков

Две стороны. Часть 2. Дагестан

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Черваков А.

Две стороны. Часть 2. Дагестан / А. Черваков — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Вторая часть книги рассказывает о событиях военного конфликта 1999 года в Дагестане, увиденные глазами молодого офицера-танкиста. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Эшелон	5
Разгрузка	16
Каспий	19
Жизнь на пляже	21
Учения	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Черваков

Две стороны. Часть 2. Дагестан

Эшелон

Всю ночь поезд шел на юг по заволжской степи, двигаясь к дельте Волги. Под утро на небольшой станции, где эшелон остановился, чтобы пропустить встречный поезд, к вагону подошел какой-то мужик с двумя ведрами спелых помидоров и ведром алычи. Узнав, что эшелон едет в Дагестан, мужик растрогался и бесплатно пересыпал танкистам в укупорки от зарядов содержимое своих ведер. Помидоры и алыча были сразу растащены солдатами, уставшими от сухпайков, и съедены в короткое время. Через несколько часов у половины роты начались сильные позывы сходить «по большому» – помидоры и алычу страждущие помыть не додумались. Ведро в «туалете» стояло одно, и какой-то счастливчик его уже занял, наполняя вагон невыносимыми запахами. Остальные, матерясь, с нетерпением ждали своей очереди или остановки поезда. Щербакова сия чаша миновала по причине того, что он так и лежал, не просыпаясь. Остальные офицеры и часть бойцов догадались помыть фрукты и овощи припасенной в укупорках водой.

Вскоре показались пригороды города Астрахань. Солнце не спеша поднималось над горизонтом, еще только начиная припекать. Мимо пролетали небольшие домишки с зеленеющими огородами, темнеющие пыльной листвой деревья. Мелькали шпалы под рельсами, которых становилось всё больше. Рельсы ветвились, словно огромное железное дерево, упавшее на землю. На его ветвях стояли нескончаемые составы, мельтешащие вагонами перед военным эшелонном, который, словно устав от долгих стоянок на полустанках, теперь не останавливался ни на минуту. Стуча колесными парами на многочисленных стрелках, поезд сбавил ход и по запасному пути медленно проследовал мимо астраханского железнодорожного вокзала, похожего на большой крытый рынок.

На одной из сортировочных станций Астрахани эшелон остановился среди стоящих грузовых составов. Часть танкистов, страдающих жутким поносом, бросилась на улицу, на ходу расстегивая штаны и прячась под вагонами или за насыпью.

Далеко впереди горел красный сигнал светофора. Выставили караул, предварительно выдав автоматы, находящиеся на время следования в двух опечатанных пластилиновой печатью деревянных ящиках. В голове поезда отсоединился тепловоз и покатил в сторону депо. Солнце поднялось довольно высоко, когда новый тепловоз прицепился к эшелону. Вагонник в оранжевой жилетке молча прошел мимо, помахивая молотком на длинной ручке и морщась от туалетных запахов. Проверяя работу тормозной магистрали состава, он бросал любопытный взгляд на танки и другую стоявшую на платформах бронетехнику, иногда с удивлением замечая под вагонами голые солдатские задницы. Пока железнодорожник дошел до хвоста поезда, стоящие у эшелона солдаты раза три стрельнули у него сигареты.

Загорелся желтый мигающий сигнал светофора, тепловоз протяжно загудел, и состав дернулся, медленно начав движение. Солдаты на ходу запрыгивали в вагоны набирающего скорость поезда. Показались многоэтажки, перемежающиеся частным сектором, внизу промелькнул широкий водный канал, и буквально через несколько минут поезд въехал на железнодорожный мост, протянувшийся почти на километр над рекой Волгой. В темнеющих волнах великой русской реки отражались уплывающие дома и прибрежные постройки Астрахани. Железные балки моста мелькали за дверным проемом, у которого столпились бойцы танковой роты. Однообразие степи так надоело, что сейчас любой пейзаж, проплывающий мимо,

казался интересным. Мост закончился, многоэтажных домов становилось всё меньше, показались окраины города, которые вскоре исчезли вдаль.

Александр был разбужен, когда солнце уже вовсю жарило астраханские солончаки. Он пытался прийти в себя после вчерашнего «прощального банкета». События сначала хаотично роились в раскалывающейся с похмелья голове лейтенанта Щербакова, но постепенно выстроились в хронологическом порядке. Получив из рук старлея Круглова тёплый от жары автомат и жетон с личным номером, лейтенант тупо сидел, свесив ноги со второго яруса грубо сколоченных нар.

– Саня, просыпайся давай, ты всё-таки в армии, – в очередной раз повторил Круглов.

– А где мы? – Щербаков сфокусировал взгляд на Круглове.

– Да недавно Астрахань проехали, – ответил Вадим.

Сунув жетон в карман и оставив автомат на нарах, Александр осторожно слез на шатающийся деревянный пол вагона.

– А туалет здесь есть? – повернулся он к снаряжающему магазин своего «АКС» Вадиму.

– Есть. Вон в углу за занавеской, – Круглов махнул рукой в сторону висящей в дальнем углу зеленой плащ-палатки, – спешу, пока не заняли.

Туалет оказался обычным ведром, в которое Щербаков с трудом попал, пытаясь удержаться в раскачивающемся от быстрого движения вагоне. Есть не хотелось. Хлебнув еще раз тёплого чая из солдатской фляги, он присел на свободный ящик, отсоединил магазин от своего автомата и принялся заряжать его патронами. Из открытого жестяного цинка, окрашенного, как и всё в армии, защитно-зеленой краской, он доставал аккуратные пакетики коричневой, слегка промасленной бумаги, в них находились новенькие патроны 5,45-мм. Сначала неловко, потом всё увереннее, лейтенант стал вкладывать в магазин по одному патрону, пока их в магазине не набралось тридцать штук. Отложив полный, Александр вытащил пустой магазин из поданного Кругловым подсумка с деревянной биркой, на которой синей шариковой ручкой уже кто-то нацарапал «Гв. л-т Щербаков», и принялся наполнять его патронами.

Закончив, он положил заметно потяжелевший подсумок и автомат с полным пристегнутым магазином к себе на верхний ярус нар. Пошарив по карманам своего камуфляжа, лейтенант нащупал только военный билет и полупустую пачку «Winston». Борясь с накатывающей тошнотой, Щербаков забрался на нары и, закурив, огляделся получше.

Солдаты сидели внизу на ящиках и занимались чисткой автоматов и заряданием магазинов. Старший лейтенант Круглов показывал бойцам, как пользоваться машинкой Ракова для снаряжения пулеметных лент калибра 7,62-мм. Машинка, закрепленная на одном из пустых ящиков, напоминала мясорубку, в её горловину рядовой Сулейманов одной рукой сыпал патроны для танкового пулемета ПКТ, второй рукой крутил ручку машинки. Вместо перекрученного фарша из машинки вылезала пулеметная лента с уже вставленными в неё патронами. Готовые ленты укладывались в небольшие цинковые ящики на защелках. На каждый танк требовалось 2000 патронов, соответственно несколько таких ящиков на остановке эшелона необходимо засунуть в башню танка и рассовать по штатным местам.

Помимо Круглова, в полумраке вагона Александр разглядел ещё двух офицеров. Второй старший лейтенант, снаряжающий магазины своего «АКС», был едва знаком Щербакову. Старлей присутствовал на стрельбах, его высокая фигура мелькала на дивизионных складах, когда танки выгоняли из ангаров, он загружал конвейеры танков боеприпасами и загонял танки на платформы, но познакомиться они не успели. Лейтенанта Абдулова в вагоне не наблюдалось.

– А где Абдулов? – спросил Александр у Вадима.

– Да он на станции пошел в штабной вагон к пехоте, не знаю зачем, – ответил Круглов.

– Понятно, – Щербаков кивнул и, спрыгнув, осторожно подошел к распахнутой двери, перегороженной на уровне груди страховочной деревянной балкой. Держась за неё, как за перила, Александр выбросил в сторону проносимой астраханской степи окурочек и выгля-

нул из вагона. Поезд заворачивал по широкой дуге, состав изогнулся, словно черно-зеленая змея. Вагон, в котором ехала первая танковая рота, находился почти в середине этой змеи. Где-то далеко впереди выбрасывал из трубы черные облака дыма едва заметный тепловоз, через несколько платформ с БТРами виднелся штабной пассажирский вагон и еще куча платформ с зачехленной бронетехникой, товарными вагонами с мотострелковыми подразделениями. Повернув голову в хвост поезда, сразу за своим вагоном, Щербаков увидел платформы с зеленеющими танками и дальше за ними опять платформы с грузовиками, БТРами и изредка встречающимися товарными вагонами.

Постояв еще немного, он отошел от дверного проема и решил хоть немного поесть. Достав из картонной коробки сухпай и разодрв упаковку, Александр вынул банку с консервированной рыбой. Оглянувшись в поисках ложки, он вспомнил, что его столовая ложка из нержавейки лежит в черной сумке с надписью «СССР». Обшарив всю сумку, Сашка так её и не обнаружил, хотя точно помнил, что клал её в сумку и даже застегивал в карманчик на молнию. «Вот суки, – подумал лейтенант, – у своих же воруют и что – ложки! Армия, бля». Консервы он съел гнutoй алюминиевой ложкой, протянутой кем-то из бойцов. Немного заполнив желудок, Щербаков закурил и присел на ящик рядом с высоким старлеем, который укладывал заряженные магазины в свой подсумок.

– Давай познакомимся, что ли? – сказал Щербаков и протянул руку. – Саня Щербаков.

– Алексей Прошкин, – старлей тоже протянул руку. – Командир первого танкового взвода.

– Тебе сколько еще служить? – Щербаков глубоко вздохнул, прогоняя тошноту.

– Да мне всего два месяца служить осталось, прикинь, и тут этот Дагестан, на черта он мне сдался! У меня дома жена, ребенок. Ты женат?

– Нет. А мне еще два года пиликать...

– Всё равно тебе проще, – Прошкин с тоской отвернулся в сторону дверного проема.

Из темноты угла к лейтенантам подошел еще один офицер с капитанскими погонами, которого Александр сразу узнал – капитан Пермяков.

– О, товарищ капитан, – Щербаков протянул руку Олегу Пермякову, – а Вы какими судьбами?

– Назначен зампотехом роты, – ответил Олег.

– Понятно, – Щербаков подтащил ящик поближе к распахнутой двери, сел так, чтобы горячий степной ветер не бил в лицо, закурил очередную сигарету и тоже задумчиво устремил взгляд в пролетающую мимо почти плоскую однообразную степь.

На следующей короткой остановке, когда эшелон пропускал пассажирский поезд, в вагон залез лейтенант Абдулов. Следом за ним забрался средних лет усатый капитан в больших затемненных очках с диоптриями. Рукав камуфлированной куртки с закатанными по локоть рукавами украшала нашивка «Мотострелковые войска». На плече капитана висел раздувшийся от торчащих из него бумаг полевой планшет, в руках он держал АКС с подствольным гранатометом.

– Познакомьтесь, – обратился Абдулов к вставшей по стойке «смирно» роте, – это капитан Чугаев Вячеслав Евгеньевич – заместитель командира мотострелкового батальона по воспитательной работе. Он пока поедет с нами, расскажет о республике, в которую мы едем, обстановке в ней, её обычаях и так далее. Вольно!

Поезд тронулся. Лейтенант подошел к стоящему у перил дверного проема Щербакову.

– Товарищ лейтенант, – обратился он к Александру, – мне очень не нравится Ваше поведение, особенно в каком виде ты вчера притащился. Комбат остался далеко, и командир здесь – я! Поэтому, если я еще раз замечу что-то подобное, то пеняй на себя! Понятно?

– Так точно, понятно, – ответил Щербаков.

Тем временем капитан Чугаев расположился в центре вагона, посадив весь состав первой танковой роты перед собой на ящиках и нарах.

– Товарищи солдаты и офицеры, – начал он, – мы с вами направляемся в республику Дагестан для стабилизации ситуации, которая в последнее время там возникла. Седьмого августа этого года на территорию республики Дагестан было совершено массированное вторжение боевиков со стороны Чечни под командованием Шамиля Басаева. План боевиков по переходу на их сторону населения Дагестана провалился, дагестанцы оказали вторгшимся бандитам отчаянное сопротивление. Российские власти решили провести совместную с федеральными силами операцию против исламистов в Дагестане. Сейчас обстановка в республике стабильная. Наша задача – поддержать порядок и спокойствие в республике.

– А воевать будем? – раздался голос бойца откуда-то с верхних нар.

– Ребята, – вкрадчиво продолжил капитан, – ну зачем сразу воевать? Мы ведь едем с миром. Ну, может, постоим на блокпостах, поддержим дагестанских милиционеров. Нужно решать вопросы мирным путем. Давайте я вам лучше расскажу о Кавказе и, в частности, о кавказских войнах, хорошо? Войны на Кавказе случались еще испокон веков. Одна из первых известных войн России на Кавказе – это Кавказская война 1763–1864 года. Она была связана с присоединением к Российской империи Северного Кавказа...

Эшелон стучал колесами, а Чугаев всё продолжал своё повествование о кавказских войнах далеких лет – о генерал-лейтенанте Ермолове, об имаме Шамиле, о храбрых казаках и коварных горцах. Очень понравился Щербакову рассказ о русском казачьем генерале, герое Кавказской войны Якове Петровиче Бакланове. «Бакланов являлся одним из популярнейших героев той эпохи, – вещал капитан, – Получив в командование полк, находившийся в очень плохом состоянии, он своей энергией сделал его лучшим. От робкой обороны своих предшественников Бакланов перешёл к самому энергичному наступлению и скоро сделался грозой горцев, считавших его родней самого дьявола. Однажды в полк на имя Бакланова пришла посылка. В ней оказался большой кусок чёрной ткани, на котором был изображён белый череп с перекрещенными костями и круговой надписью «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». Яков Петрович закрепил ткань на древке, превратив её в личное знамя. Даже у бывалых казаков этот черный флаг вызывал тягостное чувство, горцы же испытывали от баклановского символа суеверный ужас...»

Рассказывая о Бакланове, Чугаев достал из своей полевой сумки журнал «Родина», чтобы показать, как выглядел этот героический казак. Там же, в журнале, изображалось черное знамя Бакланова. Знамя вместе со старославянской надписью Щербаков аккуратно срисовал в свою записную книжку. Далее Чугаев перешел к современному терроризму, ваххабитам и извращенной ими религии. Про ваххабитов запомнилось, что ходят они в штанах, заправленных в носки, нижнего белья не носят, усы бреют, оставляя одну бороду, а по жестокости и хитрости не уступают своим далеким предкам, так что в плен им лучше не попадаться.

Поезд то быстро, то словно крадучись, катил на юг. Он иногда подолгу стоял на разъездах и маленьких станциях, пропуская пассажирские поезда, мелькавшие такой далекой гражданской жизнью в окнах своих вагонов. Пользуясь остановками, танкисты засовывали цинки с пулеметными лентами в башни танков, срывая пломбы с люков, а потом пломбируя их вновь. Заняться в вагоне, кроме снаряжения пулеметных лент, было особо нечем – все магазины заряжены, оружие почищено, свежие подворотнички пришиты. Абдулов разрешил изнывающим от тоски солдатам играть в карты на шелбаны. Бойцы, которые не участвовали в зарядании лент и этих азартных играх, развлекали себя по-разному – одни читали, другие просто смотрели на проносящуюся калмыцкую степь, а кто-то просто спал.

На очередной маленькой станции вагон с ехавшей в нём танковой ротой остановился почти напротив гидравлической колонки, из таких раньше паровозы заправляли водой. Черная Г-образная труба возвышалась метра на три вверх, мокрое пятно на земле говорило, что она

рабочая. Сколько простоит эшелон – неизвестно, но изнывающие от жары и диареи танкисты стали выпрыгивать из вагона, на ходу снимая пропитанные потом майки, камуфлированные куртки и расстегивая ширинки. Одни бежали к колонке, другие к ближайшим кустам. Далеко впереди на светофоре пока горел красный. Кто-то успел подбежать к колонке первым и потянуть за длинный рычаг – сверху, словно из огромного хобота слона, хлынул освежающий поток прохладной воды, немного окрашенной в цвет ржавчины. Бойцы, словно дети, веселясь и толкаясь, подбегали под низвергающиеся потоки, наскоро смывая с себя пыль и пот.

Щербаков спрыгнул на засыпанное щебенкой междупутье, стащив с себя серую гражданскую футболку, подобрался к льющейся сверху струе. Протягивая руки и зачерпывая в сложенные ковшиком ладони ржавую воду, он наконец умылся как следует, освежил голову и обмылся по пояс. Несколько солдат набирали воду в зеленые укупорки от танковых зарядов, похожие на вытянутые девятилитровые бидоны. Остальные офицеры танковой роты умывались и мылись по пояс, поливаемые солдатами из этих укупорок. Из кустов за плескающимися в струях воды танкистами с завистью и спущенными штанами наблюдали любители помидоров и алычи. Мимо грохотал проходящий встречный состав, и, наверное, каждый желал ему ехать как можно дольше, чтобы продлить удовольствие от купания в неожиданном оазисе или подольше посидеть в кустах.

На светофоре загорелся зеленый, далеко впереди протяжно загудел тепловоз, подавая сигнал к отправлению. От головы поезда покотился звук трогających вагонов, и только тогда бойцы кинулись назад к вагону от колонки и из кустов, заскакивая в медленно набирающий ход эшелон.

Эшелон мчался по прямой, как натянутая струна, линии, протянувшейся на десятки километров. Слово опять попросил капитан Чугаев.

– Товарищи солдаты и офицеры, – блеснув своими затемненными очками, начал он перед вновь рассевшимся на нарах и ящиках личным составом первой танковой роты, – скоро мы пересечем границу республики Дагестан. Граница эта условная, но люди и менталитет уже другие. Станция Артезиан, которую мы проехали час назад, это последний населенный пункт Калмыкии. Еще немного, и начнется территория Дагестана. Как я говорил ранее, мы едем с миротворческой миссией, поэтому должны быть настроены к местному населению мирно и дружелюбно, не создавать каких-либо конфликтов, не поддаваться провокациям. Главное – это четко выполнять приказы своих командиров и никакой стрельбы без команды! Принимать любую еду, подарки, ну, например, радиоприемник кто-то вам «от всей души» подарил, категорически запрещается! Это связано с тем, что возможны провокации – еда может быть отравлена, в приемнике бомба. К тому же, пример с приемом еды уже есть, – Чугаев покопился в сторону звуков, доносящихся из «туалета». – Это не говорит о том, что всё население такое, но, повторяю, возможны провокации! И вы не должны поддаваться на эти провокации. Также запрещено говорить номер своего подразделения, его численность, количество боеприпасов и вообще всё, что связано с вашим подразделением или подразделением, в состав какого входит ваша танковая рота, а именно со вторым мотострелковым батальоном. Будут спрашивать, откуда вы, не обязательно говорить Волгоград. Говорите любой город, пусть лучше у них в головах путаница будет. Не следует разглашать ваше место жительства и, соответственно, место жительства ваших командиров. То же самое касается писем, какие вы будете писать домой. Мой вам совет — не пишите, что вы в Дагестане, тем более, что будем мы там недолго. И вообще, не нужно лишний раз беспокоить родных и близких. На вопросы, если их вам будет задавать местное население, отвечать уклончиво и расплывчато, а лучше совсем не отвечать. Так и говорите – командир не разрешает! Опять-таки, у них очень строгое отношение к женщине. Это у нас можно ходить и запросто со всеми девчонками знакомиться. На Кавказе с этим строго, не надо тут знакомиться ни с какими девушками, даже просто говорить с ними не надо! Повторяю, не надо провоцировать местное население на конфликт. И улыбайтесь. Улыбка –

наше главное оружие. Следующая возможная остановка, – капитан Чугаев развернул полевую карту, провел по ней пальцем, – станция Кочубей. Это уже Дагестан. Да и сейчас, судя по карте, мы уже въехали на территорию республики Дагестан. Поэтому, прошу вас не забывать о том, что я вам только что рассказал. Всем всё понятно? – Чугаев обвел всех вопросительным взглядом из-под своих затемненных очков.

– Так точно, товарищ капитан, – прозвучал нестройный хор солдатских голосов.

Поезд под палящим солнцем катил сквозь степь на юг. Несмотря на то, что началась территория Дагестана, степь так же, как и в Калмыкии, выглядела уныло и однообразно – та же выжженная глина с высушенными кустиками травы, солончаки или барханы песка. К полудню стали попадаться отдельные постройки, разобраный трактор без колес, какие-то сарайчики, из сухой земли торчали редкие низкорослые деревца с запыленной листвой. Затем показались частные домишки, обнесенные заборами преимущественно зеленого цвета различных оттенков. Чугаев засуетился: «Так, товарищи бойцы. Давайте посмотрим, как будет реагировать местное население на наш эшелон».

Солдаты облепили дверной проем – всем до смерти надоел однообразный вид степи. Поезд сбавил ход, вагоны не спеша катили по рельсам через Кочубей. Проплывающие мимо улицы были пусты. За забором мелькнул цветастый халат и скрылся в дверях глинобитного домика. На перроне перед небольшим зданием станции стояли женщины и дети, продававшие выращенные в полях и огородах овощи-ягоды. Солдаты приветливо замахали руками, некоторые торговцы кинулись с арбузами и дынями, помидорами и огурцами, подавая и закидывая их в руки солдат. Эшелон проследовал мимо, низкий перрон закончился, и опять внизу замелькала щебенка. В углу вагона теперь высилась желто-зеленая горка арбузов и дынь, в укупорках виднелись огурцы и помидоры. «Мойте руки перед едой и еду особенно!» – многозначительно глянув в сторону «туалета», обратился Абдулов ко всем присутствующим.

Впереди в арке, выложенном бетонными плитами, купалась ватага местных ребятишек. Увидев эшелон с военной техникой, они бросились к нему, что-то крича и размахивая руками. «Машите им, машите им тоже! – капитан Чугаев сдернул с головы кепку и приветственно замахал ей. Солдаты неохотно последовали его примеру. Несколько мальчишек в одних мокрых трусах вскочили на велосипеды и погнались за увеличивающим ход поездом по пыльной дороге, идущей параллельно с железнодорожной линией. Наконец дорога отвернула в сторону и дети отстали. «Вот, вроде нормально принимают», – то ли себе, то ли бойцам сказал Чугаев.

За Кочубеем местность сменилась на более холмистую и заметно оживилась – стали встречаться распаханное поля с какими-то злаками, деревца с пожухшей от жары листвой. Вдали виднелись небольшие поселки. Проскочили еще несколько маленьких станций, на которых местный народ тоже совал овощи и фрукты. Бойцы с интересом вглядывались в пролетающие мимо пейзажи.

– Скоро будет большая станция – город Кизляр, — капитан Чугаев глянул на карту. – Совсем рядом здесь граница с республикой Чечня, буквально несколько километров.

– А сколько нам еще ехать? Когда разгружаться будем? – слышались голоса уставших от долгого однообразного переезда танкистов.

– Ну, насколько мне известно, – сказал Чугаев, – не в Кизляре. В Кизляре у нас будет остановка, поэтому, не забывайте, как себя нужно вести с местным населением.

Рядом проплывали частные дома, вдали темнели невысокие многоэтажки, кое-где светившиеся огнями. Рельсы стали ветвиться, и поезд, замедляя ход, загромычал колесами по стрелкам станции. Мимо открытой двери мелькали цистерны и товарные вагоны, стоящие на запасных путях. В промежутках между ними виднелось серое здание вокзала с надписью «Кизляр», пустой привокзальной площадью за ним и таким же безлюдным перроном. Эшелон остановился, и солдаты ринулись из вагона наружу. Опять выставили караул. Тепловоз, отцепившись от эшелона, скрылся за стоящими составами.

Не прошло и получаса, как из-под вагонов показалась стайка местных мальчишек младшего школьного возраста посмотреть на боевую технику. Невзирая на советы Чугаева, настырно лезущих на платформы детей пришлось чуть ли не пинками и с матом отгонять от эшелона. Наконец подали новый тепловоз, вскоре загорелся зеленый сигнал светофора и эшелон тронулся в путь.

Солнце медленно опускалось, на небе ни облачка, а вдаль на горизонте виднелись какие-то темные облака странной формы. «Может, дождь будет», – подумал лейтенант Щербаков, вглядываясь в даль. Чем дальше ехал эшелон, тем Александр больше сомневался, что это облака. Наконец он не выдержал, нашел в своей сумке очки в зеленом футляре, надел их и опять выглянул наружу. Теперь стало ясно, что это не облака – где-то там далеко, за сотни километров угадывались вершины Кавказских гор. Последний раз он видел горы классе в седьмом, когда летом ездил с мамой на отдых в Сочи. «Горы!» – радостно заорал он. Бойцы, даже которые просто валялись на нарах, подскочили к дверному проему. «Горы! Точно горы!» – вопили они, глядя на уже различимые вдаль вершины, темнеющие в небе вместо облаков. Остальные офицеры, растолкав бойцов, тоже уставились вдаль. «Значит, скоро приедем», – негромко сказал Чугаев.

Состав повернул на запад, пытаясь догнать ускользящую вечернюю зарю, затем снова на юг. Опять мелькали немногочисленные сортировочные станции, освещенные прожекторами составы и далёкие редкие огоньки. Вскоре всё пропало во мраке наступившей ночи, оставив место лишь ярким звездам на чернеющем южном небосклоне. В углу вагона светила маленькая лампочка, провода от которой тянулись к танковому аккумулятору. Её неяркий свет освещал уставшие от утомительного переезда лица бойцов. Ближе к полуночи свет выключили и вагон погрузился в полную темноту.

Далеко за полночь состав остановился на светившейся огнями станции. Денег в карманах Щербакова, как и следовало ожидать, не оказалось – придется растягивать оставшиеся сигареты. Тепловоз, притащивший эшелон на станцию, отцепился и медленно покатил в неизвестном направлении. «Странно, рановато тепловоз менять», – Александр посмотрел вслед удаляющимся красным огням. Оказалось, что рядом стоит еще один военный эшелон с бронетехникой и тоже из Волгоградской области. Из стоящей в нескольких метрах от перрона большой круглой беседки слышались разговоры и смех. В свете прожекторов блестели звездочки на погонах офицеров, явно давно распивающих что-то горячительное. Лейтенант Абдулов оставил Щербакова дежурным по караулу, а сам пошел «знакомиться» в беседку. Туда же, звеня припасенными бутылками, подтянулись и некоторые офицеры мотострелкового батальона. Круглов и Прошкин спали в вагоне. Автомат, лежащий в большом опечатываемом ящике, Щербаков не взял. Он стал прогуливаться вдоль эшелона, натываясь в темноте на часовых с окриками «Стой, кто идет?» – «Свои. Командир танкового взвода», – отвечал лейтенант и двигался дальше. Проходя в темноте мимо двух офицеров из пехоты, едва освещаемых светом прожектора, он услышал обрывки разговора.

– Говорят, что еще второй эшелон за нами едет. На нашем же эшелоне не весь второй батальон, а во втором оставшиеся и сводная артбатарея с САУшками, – в ночи приглушенно звучали слова одного из офицеров.

– А знаешь, почему эти с соседнего эшелона бухают? Они сказали, что не поедут в Дагестан воевать, поэтому тут стоят так долго, – тихо сказал второй.

– Да ладно, чё ты врешь-то? – воскликнул другой.

– Да я сам слышал, как они в беседке про это говорили.

– Не может быть...

Окончание разговора, заглушенное свистком тепловоза, цепляющегося к эшелону, Щербаков не услышал. Вдали из беседки, на не совсем твердых ногах, выбегали офицеры из соседнего эшелона, торопясь к своим вагонам. «Давайте, пацаны! Увидимся в Дагестане!» – на ходу

кричали они, подныривая под вагонами мотострелкового батальона. «Вот так и рождаются слухи, – подумал Щербаков. – Все всё-таки едут в Дагестан».

Названия станций, на которых эшелон не останавливался, теперь звучали не по-русски – Качалай, Герменчик, Сулевкент. Остались позади небольшие Казма-Аул и Куруш, затем станции перестали попадаться, оставив место темнеющим полям и редким рощам. В ночи чернели горы, казавшиеся близкими. К рассвету стало попадаться всё больше домов и построек, опять начались промзоны с ангарами и нефтяными бочками. На идущей параллельно железной дороге автотрассе проплыла высокая стела с надписью «Махачкала», впереди мерцали высотки города. В воздухе уже явственно чувствовался запах моря и нефтепродуктов.

Махачкала светила огнями фонарей, железнодорожных прожекторов и многоэтажек. Эшелон долго шатал вагоны на стрелках и, наконец, остановился где-то на запасных путях среди десятков грузовых железнодорожных составов. Тепловоз отцепился и укатил в депо. Вдоль состава опять прогуливались часовые с автоматами. лейтенант Щербаков, тоже взяв свой автомат из ящика, заступил дежурным по караулу от танковой роты. Забравшись на одну из платформ, Сашка присел, свесив ноги. Стояла тёплая южная ночь, наполненная такими знакомыми Щербакову звуками и запахами железнодорожной жизни. По громкой связи переговаривались вагонники, маневровый тепловоз неустанно грохотал автосцепками, стучали колеса отправляющихся и прибывающих поездов. Светили прожекторы, освещая составы и линии высоковольтных контактных проводов, протянувшиеся над ними. И над всем этим запах шпал, пропитанных креозотом. Всё как на прежней работе, единственное отличие – вместо молотка на длинной ручке в руках Щербакова холодная сталь автомата.

Наступило солнечное утро 19 августа. В туалет «по большому» больше никто не бегал – всех страждущих накормили лошадиными дозами каких-то таблеток, принесенных из медвзвода. Состав так и стоял на крайнем пути, тепловоз до сих пор не подали. Солнце потихоньку начинало припекать, и кто-то из офицеров предложил сгонять за пивом. Щербаков скромно промолчал, так как денег у него не было.

– Давайте я на шухере посижу, – сказал собирающим деньги на пиво Сашка, – я на железной дороге работал и, если что, знаю, как отправление можно задержать, но вы постарайтесь недолго.

– Давай. Погнали, пацаны, тут ведь должен где-то магазин быть, – Абдулов, Прошкин и еще пара офицеров-мотострелков быстрым шагом пересекли несколько пустых железнодорожных путей и двинулись в сторону видневшихся за высоким бетонным забором многоэтажек.

Щербаков отстал, присев на деревянную лавочку, стоявшую у кирпичной железнодорожной будки, крашенной желтой известкой. С этого места хорошо был виден весь состав от головы и до хвоста, над которым тянулись высоковольтные контактные провода для электровазнов. Вдоль всего эшелона в тени светофоров и мачт прожекторов от наваливающейся жары прятались часовые. Напротив скамейки стояли платформы с техникой мотострелкового батальона. На одной из них стоял закрепленный ГАЗ-66 с кунгом и прицепленной к нему полевой кухней. Расположившись в тени будки, Щербаков обратил внимание на двух солдат, копошащихся возле полевой кухни. Что они там делают – не разобрать. Затем один из них зачем-то полез на крышу будки «шишарика». Александр повернул голову, наблюдая, за маневровым тепловозом, тащившим по соседнему пути платформу с закрепленным на ней зеленым комбайном «John Deere». Вдруг он услышал резкий хлопок, похожий на удар хлыста. Краем глаза Сашка заметил, как солдат, расхаживающий по крыше кунга ГАЗ-66, мешком свалился сначала на платформу, а затем с неё на щебенку между железнодорожными путями.

«Началось! – от неожиданности Александр соскочил со скамейки и присел. – Снайпер», – мелькнуло в голове. К лежащему между путей телу уже бежали бойцы и офицеры, видевшие падение. Пригибаясь, Щербаков тоже побежал в направлении упавшего солдата. Подбегая, он почувствовал запах горелого мяса. Двое солдат зачем-то кидали на упавшего горстями землю,

смешанную со щебенкой. Остановившись перед лежащим телом, вокруг которого толпились бойцы, лейтенант увидел, что одежда на солдате тлела и дымилась, а кожа местами обуглилась и вздулась волдырями. Взглянув наверх, Александр понял, что это не снайпер – солдата ударил заряд тока силой 3000 вольт от высоковольтных контактных проводов.

– Хватит на него землю кидать! – крикнул подбежавший капитан-мотострелок.

– Да его «заземлить» надо, чтобы ток с него в землю ушел, – сказал один из кидавших землю солдат.

– Отставить! Дебилы, бля! Физику в школе учить надо было...

«Не трогайте меня! Не подходите!» – кричал солдат, сдирая с себя одежду вместе с почерневшей кожей. Его взгляд был устремлен куда-то высоко в небо, потом глаза закатились и он потерял сознание.

«Скорую давай! Где телефон?! Скорую вызывайте!» – кто-то кинулся в сторону производственных помещений, другие в сторону вагона, где ехал медицинский взвод.

«Вот тебе и война, – подумал Щербаков, – еще ничего не началось, а один уже не доехал».

Прибежали медики – старший прапорщик Румянцев – парень лет за тридцать с рано лысеющей головой и слегка оттопыренными ушами, медсестра в военной форме и двое солдат с носилками. Прапорщик Румянцев, склонившись над бойцом, вколол ему обезболивающее.

«П-пока не надо трогать. П-подождем скорую», – чуть заикаясь, сказал он и велел прикрыть бойца чистой простыней, принесенной от медиков. Минут через двадцать приехала «скорая». Парня, который дышал, но был без сознания, осторожно положили на носилки и, перешагивая через рельсы, понесли к стоящей вдалеке машине скорой помощи. С прибывшими врачами в сторону скорой ушли Румянцев и еще несколько офицеров. Скорая умчалась, завывая сиреной и мигая синими огнями, батальонные медики и офицеры разошлись к своим вагонам. Щербаков опять уселся на скамейку, переживая случившееся.

Подали тепловоз, а ушедшие за пивом до сих пор не вернулись. Александр беспокойно ходил около вагона, глядя в сторону, куда ушли офицеры. Из вагона выглянул Вадим Круглов, – Саня, что делать? Этих типов нет еще, а тут тепловоз цепляют! Ты же говорил, что можно как-то задержать.

– Можно, – спокойно ответил Александр, – если они тут в Дагестане по правилам тормоза проверяют. Пока еще рано.

В тормозную систему подали воздух. Вагонники стали проверять работу тормозной воздушной магистрали состава. Они сошлись на середине эшелона, и один из них помахал из стороны в сторону молотком, показывая машинисту отпустить тормоз. Потом он, не торопясь, выписал справку и направился к тепловозу. Когда справку, воткнутую в прорезь на длинной ручке молотка, вагонник протянул в окошко машинисту, Щербаков пробежал пару вагонов вперед, пролез к автосцепке и повернул ручку магистрального воздушного крана, перекрыв тормозную систему. Раздалось шипение срабатываемого воздуха, и по всему составу вновь сработали тормоза. Впереди на светофоре горели два желтых огня, верхний из которых мигал, разрешая поезду отправиться, но поезд не трогался. Машинист высунулся из окна, знаками подзывая к себе вагонника.

«Видишь, тормоза сработали, – объяснил подошедший к Круглову Щербаков. – А машинист теперь у вагонника спрашивает, в чём причина».

Железнодорожники что-то горячо обсуждали, о чём свидетельствовали их размашистые жесты. Александр и Вадим увидели бегущих к эшелону офицеров с большими пакетами и торчавшими из них «полторашками» пива.

«Быстрей давай! – замахали Круглов с Щербаковым. – Отправляемся уже!»

Вагонник шел от тепловоза, внимательно осматривая состав. Наконец он увидел перекрытый кран. Посмотрев по сторонам и выругавшись, он открыл его, пустив воздух по всей магистрали.

«Успели, – забросив пакеты в вагон, офицеры залезали в него по торчащей металлической лесенке. – Магазин еле нашли».

Мотострелки, тоже с пивом, спешили к своим вагонам, перескакивая через рельсы. Тепловоз, протяжно загудев, двинулся вперед, растягивая состав и приводя в движение весь эшелон. Мимо опять поплыли вагоны, ангары, мачты высоковольтных проводов. Сначала эшелон окружали промзоны, потом слева открылась панорама Каспийского моря, потянуло прохладным морским бризом. По правую сторону вновь темнели горы, приближались высотные дома. Эшелон продвигался сквозь город, в суете которого не чувствовалось никакой напряженной обстановки в республике. Всё, как в любом большом городе – ходили люди, ездили машины и автобусы. Рельсы отвернули от моря, и поезд пошел по направлению к горам. Высоток становилось всё меньше, рядом проносился частный сектор, вскоре он тоже кончился и с обеих сторон двухпутной железной дороги замелькали пустыри и созревающие поля.

Вторая половина дня, море осталось где-то далеко слева, дыхания его уже не ощущалось, и солнце опять палило нещадно. Пиво стало теплым и невкусным. Поели сухпай и молча смотрели на возвышавшиеся вдалеке серо-зеленые горы. Не прошло и часа, как выехали из Махачкалы, мимо проплыла пара небольших поселков, и вот поезд заходит на очередную станцию, мелькают частные дома, многоэтажек не видно. Вокруг цистерны, пахнущие мазутом и нефтью. Заскрипели тормозные колодки, и эшелон замер. Впереди горел красный сигнал светофора. Солдаты и офицеры соскакивали из вагонов на землю, пользуясь остановкой. Как всегда, выставили охранение. К удивлению Щербакова, тепловоз отцепился и укатил. «В Махачкале ведь только прицепили?» – подумал лейтенант.

Абдулова вызвали в штабной вагон. Через час он вернулся, построил танковую роту и объявил: «Товарищи солдаты и офицеры. Мы прибыли в конечный пункт нашего следования – населенный пункт Манаскент. Завтра будет разгрузка техники и дальнейшее следование в составе колонны в пункт дальнейшего базирования».

День клонился к закату, жара спадала. Очень хотелось помыться полностью, но удалось лишь немного смыть с себя пыль и пот – солдаты поливали друг друга и офицерам из укупок, предварительно сходя к стоящей неподалеку колонке за водой.

Тем временем стемнело, звезды терялись в свете прожекторов, освещавших стоящие на станции составы и эшелон с ждущей разгрузки бронетехникой. Эшелон закрепили на отдельном пути, несколько отстоящем от скопления других путей, и с обеих сторон его вновь охраняли часовые. Около десяти вечера лейтенант Щербаков заступил дежурным по караулу. Лейтенант Абдулов провёл инструктаж, после чего добавил: «Мы находимся на территории республики Дагестан. Расслабления закончились, поэтому охранять со всей тщательностью, по уставу! Возможны провокации! Стрелять только в крайнем случае «предупредительным» в воздух. При осложнении ситуации без команды не стрелять!»

Поправляя тяжелый автомат на плече и тянущий вниз неудобный подсумок с четырьмя полными магазинами, Щербаков медленно прохаживался в тени эшелона. Вдали маячил рядовой Кравченко, заступивший часовым. С другой стороны состава патрулировал механик-водитель Обухов, но в темноте присутствие механика можно было определить только по гремящей под его сапогами щебенке. Где-то вдалеке угадывались еле заметные силуэты часовых мотострелкового батальона. На станции стояла непривычная тишина, лишь только стрекот сверчков раздавался в ночном воздухе. Видимо, поезда через Манаскент ходили не столь часто.

Прошел час, Щербаков сидел на сложенных аккуратной пирамидкой чугунных тормозных колодках, вслушиваясь в умиротворяющие звуки ночи. Вдруг где-то в конце состава он услышал сначала неясный шум, а потом выстрел, разорвавший ночную тишину. Лейтенант вскочил, не понимая, что происходит, повернувшись в сторону криков, доносящихся со стороны выстрела, и тут ночь расколола автоматная очередь.

«Теперь точно началось!» – испуганно мелькнула мысль в мозгу лейтенанта, и он, сняв автомат с предохранителя, кинулся на звуки выстрелов. Прожекторы слепили прямо в лицо, и что там впереди – не разглядеть. Щербаков бежал, постоянно спотыкаясь на крупной щебенке, и старался как можно ближе прижаться к вагонам эшелона. Сзади поспевал Кравченко, на ходу передергивая затвор автомата.

«А вдруг на нас напали?» – мелькали в Сашкиной голове мысли. – Меня же как в тире видно!» Сбавив бег и стараясь прятаться в тени вагонов, лейтенант, пригибаясь, спешил на раздающиеся крики. Выстрелов больше не было. Приблизившись к последним вагонам эшелона, Щербаков заметил два тела, лежащих недалеко от мачты прожектора и стоящего над ними с автоматом в руках капитана Чугаева. Одно из тел лет двадцати от роду попыталось подняться, – Э, командир, ты чё? Мы же в вашем полку служили, брат!

– Лежать! Руки за голову! – блестя стеклами своих затемненных очков, заорал Чугаев и наставил автомат на пытающегося что-то сказать парня.

– Э, ты ваще чё делаэш? – второй из лежащих на залитой мазутом щебенке парней, видимо ровесник первого, тоже попробовал подняться, но был остановлен направленным на него стволом автомата.

Тем временем к месту событий подбежали несколько солдат и офицеров с автоматами наперевес, и со стороны штабного вагона подошел среднего роста, немного располневший майор лет тридцати с красным лицом. В свете прожекторов на его могучей шее блеснула массивная золотая цепочка.

– Товарищ майор, – стал докладывать Чугаев, – задержаны двое подозрительных, которые пытались завязать контакт с бойцами нашего эшелона. Утверждают, что служили в нашем полку, пришли земляков искать.

– Ну это пусть местная милиция разбирается, где они служили. Пускай скажут спасибо, что не пристрелили, – глядя на лежащих, сказал краснолицый майор, впоследствии оказавшийся майором Бельским Андреем Васильевичем, командиром второго мотострелкового батальона. Тем временем со стороны станции прибежали трое местных милиционеров в касках и с автоматами АКСУ.

После непродолжительной беседы майора Бельского с представителями местной власти, задержанных, извергающих проклятья в сторону Чугаева на русском языке и местном диалекте, милиционеры отконвоировали в сторону светящегося вдалеке вокзала.

Бельский приказал всем расходиться по постам, предварительно проверив автоматы на предмет наличия патрона в патроннике. Отведя в сторону Чугаева, он сказал: «Слава, ну ты какого хрена тут стрельбу развел? Сам говорил, что не надо провоцировать местное население и сам же войну тут устроил. Это спасибо эти обезьяны, – он махнул в сторону расходящихся по постам солдат, – палить не начали, а то бы тут друг друга в темноте перестреляли.

– Андрей, ну так получилось, – начал оправдываться замполит, – эти двое подошли к эшелону, стали к солдатам приставать «кто-откуда». Наши дебилы, – имея ввиду солдат батальона, продолжал Чугаев, – начали изливать душу, вместо того, чтобы отогнать местных. Я подошел, попросил их уйти, так они на меня с матом наезжать стали, хотели уже в вагон залезть к минометчикам. И что мне оставалось делать?

– К минометчикам, говоришь? Ну я им завтра звездюлей дам, чтобы знали, как в карауле стоять!

Сверкнув парой передних золотых зубов, Бельский повернулся и зашагал в сторону штабного вагона.

Щербаков возбужденно рассказывал случившееся разбуженным выстрелами офицерам танковой роты. Несмотря на поздний час, оживление чувствовалось по всему эшелону. Наступило время сдачи дежурства. Щербаков сдал смену Прошкину и долго еще не мог заснуть на вагонных нарах, вслушиваясь в ночные звуки и прокручивая в голове случившееся.

Разгрузка

Утро 20 августа 1999 года выдалось жарким и солнечным. Небо заволокла еле заметная белесая дымка, не спасающая от надвигающейся жары. Горы были совсем рядом, их предгорья начинались всего в нескольких десятках километров. После раннего подъема в шесть утра, построения и завтрака, состоящего из сухая, к стоящему эшелону подкатил маневровый тепловоз. Отцепив часть вагонов с техникой, он потащил их на отдельную ветку, уходящую в глубь старой разгрузочной базы, обнесенной бетонным забором. Рельсы упирались в тупик, а по левую сторону от них вровень с полом платформ шел длинный высокий перрон и складские ангары. Так как перрон тянулся метров на сто, с платформ на него могли съехать одновременно несколько единиц бронетехники, что, в отличие от единичной погрузки в Анисовке, ускоряло процесс разгрузки. База находилась недалеко от стоящего на запасных путях эшелона, и весь процесс был хорошо виден.

Солдаты облепили платформы со своей техникой, срубая крепящую проволоку и отдирая прибитые к полу противооткаты. Другие поверяли уровень масла в двигателях, давление в шинах. Края платформ стояли почти вплотную к перрону, и на машине стоило только вывернуть руль влево, чтобы аккуратно съехать на его бетонную поверхность. Первая партия ГАЗ-66 и Уралов была освобождена от цепко держащих их на платформах приспособлений, завелась и съехала на перрон. На всё это ушло не более часа. Маневровый утащил пустые платформы на запасные пути, отцепил новую партию платформ с техникой, подогнал их к перрону разгрузочной базы, и всё повторилось. На этот раз очередные ГАЗ-66 с прицепленными к ним полевыми кухнями, топливозаправщик КраЗ и БРДМ-2 готовились съехать на дагестанскую землю.

В эшелоне оставались еще танки первой танковой роты и БТРы-«семидесятки» мотострелкового батальона. Солнце начинало припекать, в постепенно накаляющемся воздухе вилась мелкая песчаная пыль. Техника выезжала с перрона на грунтовую дорогу, ведущую к закрытым воротам базы, и выстраивалась в колонну. Съехавший с платформы одним из первых БРДМ-2 или «бардак», как его называют в армии, стоял чуть сбоку от остальной колонны. Бронированная разведывательно-дозорная машина принадлежала разведзводу. Вокруг неё столпились несколько офицеров из штаба мотострелкового батальона и что-то оживленно обсуждали, разложив топографическую карту на его пыльно-зеленом борту. Одна высокая худощавая фигура показалась Щербакову очень знакомой. Небольшой броневичок, вооруженный сверху спаренной установкой 14,5-мм пулемёта КПВТ и 7,62-мм ПКТ вскоре, словно мухи, облепили разведчики в бронезилетах, и «бардак» укатил в неизвестном направлении.

Экипажи танковой роты залезли на свои танки, открыли трансмиссии и занимались уровнем уровня жидкостей в двигателях, распломбировкой люков и присоединением проводов к выключателю массы. Откреплять танки решили перед перроном. Щербаков с интересом наблюдал, как механик Обухов шестигранным щупом замеряет уровень масла. Кравченко, скрывшись в люке наводчика, тоже чем-то занимался внутри танковой башни. Очень хотелось пить, но вода теплая и невкусная, отдающая хлоркой – с вечера её набрали из колонки в питьевые бачки и закидали таблетками пантоцида для обеззараживания. Сидя на башне, Щербаков заметил слоняющегося без дела капитана Чугаева. Подойдя к Абдулову, замполит сказал: «Олег, дай мне какого-нибудь бойца – я попить что-нибудь куплю, а то воду эту хлорированную невозможно пить».

– Товарищ капитан, у меня все заняты – готовим танки к разгрузке. Хотя, вон возьмите лейтенанта Щербакова, – Абдулов махнул в сторону Сашки.

– Щербаков, слезай. На разведку пойдем, – улыбнувшись, блеснул своими очками Чугаев. Александр вопросительно посмотрел на командира роты Абдулова.

– Иди, – сказал Олег, – и зашагал к своему танку с переправленным номером 159 на башне.

На капитане Чугаеве, несмотря на стоящую жару, была надета «разгрузка» с торчащими из нагрудных кармашков запасными магазинами, на плече висел АКС-74. Автомат Щербакова остался лежать в товарном вагоне, в одном из деревянных ящиков. Они вместе зашагали в сторону пролома в бетонной стене и через него выбрались наружу.

«Ну и где тут магазин?» – сам у себя спросил капитан. Сзади виднелись большие серебристые бочки, со стороны которых тянуло нефтью, еще какие-то склады и ангары. Впереди, в колышущемся над железнодорожными путями мареве, зеленел забором частный сектор. Перебравшись через рельсы, офицеры ступили на пыльную дорогу, уходящую в даль пустой улицы. Чугаев на всякий случай снял автомат с предохранителя. Местных жителей не видно – то ли на работе, то ли от жары прячутся. Вниз по улице у одного из частных домов толпились несколько человек в военной форме. Подойдя ближе, Чугаев с Щербаковым увидели нескольких офицеров из их эшелона, стоявших перед открытыми створками ворот. На одной из створок синела надпись «МАГАЗИН», сделанная масляной краской. Поздоровавшись, офицеры зашли в небольшой дворик с глинобитным домом, крашенным белой известью. На импровизированном деревянном прилавке дагестанка средних лет в темном платке разложила товар – минеральную воду, лимонад, сигареты, пиво. Александр воспользовался случаем и, заняв у Чугаева денег, купил на них пачку недорогих сигарет с фильтром. Сам капитан не курил, поэтому купил блок «Winston» кому-то под заказ, а себе двухлитровую бутылку запотевшей от холода «Фанты», которой угостил Щербакова. «Фанту» лейтенант последний раз пил еще на гражданке, и сейчас этот прохладный напиток, вытщенный из морозилки, показался ему просто божественным.

Торговля шла бойко, то и дело подходили новые военнослужащие и что-нибудь покупали у немногословной торговки, говорящей с диким акцентом. Цены были раза в полтора выше, чем в Волгограде, но времени искать другой магазин ни у кого не было. Тут же кружились местные ребятишки, с интересом разглядывая военных и висящие за их плечами автоматы. Чугаев с Щербаковым двинулись в обратный путь, стараясь держаться в тени деревьев, выглядывающих своими ветвями из-за заборов.

На место разгрузки они вернулись, когда у перрона уже стояло несколько платформ с танками. Солдаты раскручивали проволоку, крепящую танковые пушки, выбивали деревянные противооткаты между колес и снимали шпоры на гусеницах танков. Сначала съезд танков регулировали Абдулов и Прошкин, но старший лейтенант Прошкин как-то неуверенно показывал руками, куда нужно рулить механику-водителю. Механик дергал танк из стороны в сторону, не понимая, что пытается показать старлей, поэтому Абдулов заменил его на Круглова. К такому ответственному моменту комроты не стал привлекать неопытного в этих делах, да и вообще в воинской службе, Щербакова.

Часть танков осторожно съехала с платформ на перрон, проследовала до его конца и, спустившись на грунтовую дорогу, встала в конце колонны. Тепловоз оттащил пустые платформы и притащил очередную порцию бронетехники на разгрузку. Щербаков издали наблюдал, как маневровый тащит платформы, на одной из которых стоит его танк с номером 157. Вдруг чья-то узкая ладонь легла на худое плечо Сашки. Лейтенант повернулся – перед ним стоял майор Шугалов и удивленно смотрел прямо в глаза Александра.

– Студент, а ты что тут делаешь? – спросил Шугалов.

– Здравия желаю, товарищ майор! – Щербаков стал по стойке смирно. – А мы вот тут танки разгружаем.

– Да я вижу, что танки. Я говорю, ты что тут в Дагестане-то делаешь? Ты сколько в армии отслужил?

– В армии месяца полтора. Служу командиром третьего танкового взвода.

– Нда, – задумчиво произнес Шугалов. – Ну давай, служи, – майор похлопал Щербакова по плечу и зашагал в сторону штабного вагона.

Щербаков подошел к лейтенанту Абдулову, ожидавшему, когда платформы закрепят в тупике перед перроном и танки можно будет разгружать.

– Олег, а что здесь Шугалов делает, он же командир сводного батальона в Анисовке? – обратился Александр к командиру роты.

– Вообще-то, с недавнего времени, он заместитель командира нашего полка, а сюда назначен начальником оперативной группы, – ответил Абдулов.

После обеда вернулся БРДМ, и вокруг него перед открытой картой вновь собрались офицеры во главе с майором Шугаловым. Разведзвод ездил на рекогносцировку, проверяя местность, в которой должен был расположиться второй мотострелковый батальон с приданной ему первой танковой ротой.

Часам к четырем дня последний БТР-70, упорно не желающий заводиться, стащили с платформы другим БТРом. Связь на основной и запасной частоте была проверена. Всем солдатам и офицерам танковой роты выдали закрепленные за ними АКС, хотя офицерам и командирам танков полагался пистолет ПМ.

Каспий

Лейтенант Щербаков скучал, свесив ноги в командирский люк, наблюдая, как увеличивается в размерах колонна автомобилей и бронетехники, растягиваясь более чем на километр. Большая часть её уже находилась за территорией разгрузочной базы и вытянулась по обочине грунтовой дороги, идущей из поселка в неизвестном направлении. Впереди колонны стоял «бардак» и МТЛБ разведвзвода, у которого командиры подразделений получали указания от майора Шугалова. Ближе к её хвосту молчаливо стояла первая танковая рота с заглушенными двигателями.

Наконец по всей длине колонны наметилось какое-то движение, командиры рот и взводов поспешили к своим подразделениям. Абдулов построил танковую роту и провел краткий инструктаж о передвижении в составе колонны и ведении связи. Также он довёл сигналы управления – по радиостанции и посредством сигнальных ракет. В пять часов вечера в наушниках прозвучал приказ приготовиться к движению. По всей длине колонны стали заводиться доселе молчавшие ГАЗ-66, БТРы, Уралы и КраЗы. Лейтенант Абдулов, наполовину высунувшись из своего люка, повернулся к молча стоящим танкам.

«Всем Прокатам, – зазвучал его голос в наушниках каждого танкиста. – Двести. – он сделал паузу. – Двадцать. – еще пауза. – Два!» – двигатели танков практически одновременно ожили и заревели, выбросив в едва вечеряющее небо клубы черно-белого дыма.

Прозвучал общий приказ начать движение. Сначала двинулся и запылел по дороге БРДМ разведки, за ним все остальные. На броне «бардака» сидел майор Шугалов с картой в руках, по бокам в бронежилетах примостились разведчики, ошестинившись во все стороны автоматами. Поднимая клубы пыли, колонна, сопровождаемая толпой местной детворы, проследовала по окраинам Манаскента и выехала на асфальтированную трассу. Танки, рыча двигателями, поворачивали с проселка на асфальт, постепенно выламывая его куски гусеницами. Пыль и дети остались позади. На трассе попадались немногочисленные гражданские легковушки и грузовики, предупредительно съезжающие на обочину. Промелькнул синий знак с белыми надписями «Каспийск 12 км», «Махачкала 30 км».

«Куда едем? – думал Александр, глядя на возвышающиеся слева горы. – Опять в Махачкалу?»

Но перед пригородами города Каспийска голова колонны свернула направо на более узкую, давно не отремонтированную асфальтовую дорогу, еще более разрушая её своими колесами и гусеницами. Мимо мелькали небольшие частные домики, по обочинам засыхали лужи от недавнего дождя. И вновь поворот на проселочную дорогу, пролегающую по берегу большого озера. Частный сектор остался позади, вокруг высокие кусты, редкие деревья и множество хаотично пересекающихся грунтовок с глубокими колеями.

Запахло йодом и водорослями, впереди в лучах медленно клонящегося к закату солнца заблестели волны Каспия. Колонна двигалась в сторону моря, сначала разбрасывая из-под себя кучи сырой земли и глины, затем светло-желтого, местами рыжего песка. Дорога, по которой двигалась техника, заворачивала направо и тянулась куда-то вдоль берега моря. Легкий бриз приятно освежал разгоряченные лица и нагретую за день броню. Небольшие волны накатывали на пологий песчаный берег, простиравшийся в обе стороны. Позади виднелся мыс, за которым торчали верхушки огромных нефтяных бочек.

Колонна какое-то время двигалась вдоль берега, наконец головной БРДМ съехал с дороги, повернув в сторону пенящихся зеленоватых волн, и остановился. Растянувшаяся колонна стала стягиваться и останавливаться, не глуша двигатели. Командиров подразделений вновь вызвал к себе майор Шугалов. Щербаков, сидя на башне, с наслаждением втягивал све-

жий морской воздух. Нацепив очки, он всматривался в безграничную даль Каспия. Горизонт сливался с небом, теряясь в вечерней дымке, солнце наполовину скрылось за горами.

«Вот это служба! Вместо принятия третьей роты и скучного полигона я на море буду купаться! – радость переполняла лейтенанта Щербакова. – Кому сказать – никто не поверит! Море, солнце, пляж!»

По радостным лицам солдат было видно, что их охватили похожие чувства.

Совещание закончилось, командиры поспешили к своим подразделениям. Техника стала съезжать с дороги в сторону берега и выстраиваться, словно пляж был огромным автопарком. Танки тоже повернули к морю, полируя гусеницы песком, и выстроились повзводно, по команде глуша двигателя. Щербаков прыгнул с остывающей брони на сыпучий песок, сразу попавший в его гражданские полуботинки. Впереди, буквально метрах в тридцати, начинало темнеть в сгущающихся сумерках Каспийское море. Сзади, среди густых кустов и камышей, поблескивала гладь озера Большое Турали. Справа и слева от расположившейся бронетехники выставили дозоры из мотострелков и разведчиков, дорогу перегородили наскоро сделанными из досок шлагбаумами.

Состоящий из привычного сухая ужин показался особенно вкусным под шум прибоя и веющий свежий бриз. Совсем стемнело, Абдулов назначил караульных и старшего по караулу танковой роты старлея Прошкина. Рвавшимся к морю солдатам он запретил без команды покидать свои танки, и бойцы стали укладываться на ночлег прямо на трансмиссиях, расстелив спальные мешки под открытым небом.

Офицеры Абдулов, Круглов и Щербаков, захватив автоматы, двинулись по светлеющему в темноте сыпучему песку в сторону шумящего прибоя. Впереди белели и пенились барашки невысоких волн, накатывающих на берег. Составив пирамидой АКСы, лейтенанты разулись и, засучив запяленные штанины, зашлепали в накатывающие волны. Берег стелился полого, и через два десятка метров вода доставала только до половины щиколотки. С наслаждением стоя босыми ногами в теплой воде, офицеры молча смотрели по сторонам. Позади доносились звуки устраивающегося на ночлег батальона и темнели верхушки гор. Правее, где-то очень далеко, светились прибрежные огни какого-то поселка. Слева в ночное небо, усыпанное тысячами мерцающих звезд, отсвечивали огнями невидимые за темнеющим мысом Каспийск и Махачкала.

Ночь прошла быстро, пару раз Щербакова будили, и он заступал дежурным по караулу, шагая босыми ногами между темнеющих в ночи танков и вдыхая пахнувший водорослями морской бриз. Уставшие за день бойцы крепко спали на свежем воздухе, и отдежурившим караульным приходилось подолгу будить своих сменщиков.

Жизнь на пляже

С рассветом второй батальон ожил. После построения и нарезки задач майором Шугаловым подразделения приступили к рытью окопов для солдат и техники, установке палаток и обустройству быта. Танковая рота тоже поставила свою большую палатку, расположив её метрах в двадцати от моря, на одной линии с палатками других подразделений. По другую сторону дороги, недалеко от заросшего камышом и непролазными кустами берега озера, стояла палатка штаба мотострелкового батальона, палатка-столовая. Еще дальше раскинули свои палатки медвзвод, служба ГСМ с покрытыми масксетью двумя КраЗами-заправщиками и служба ракетно-артиллерийского вооружения. На «пляже» расположились все остальные – пехота, минометчики и танкисты. Спереди от нападения батальон защищало море, сзади – озеро. Справа и слева пехота копала окопы, занимая оборону между морем и озером по обеим сторонам дороги, перекрытой шлагбаумами. По оперативным данным и данным разведвзвода, боевые действия шли в горных районах и в районе села Ботлих, километрах в 250 от Махачкалы, но расслабляться не следовало.

Танковую роту решили тоже поставить в окопы, чтобы быть готовым в случае неожиданного нападения, да и в закопанный наполовину танк труднее попасть. Откинув установленный на нижнем лобовом листе бульдозерный отвал, танки самостоятельно вырывали себе окопы, легко отгребая сырой песок и по борту прячась в нем. Через час на поверхности торчали только башни танков с чуть задранными вверх трансмиссиями. Пехоте повезло меньше – они вручную копали окопы для своих БТР и ГАЗ-66. В ход шли маленькие саперные лопатки и саперные лопаты побольше. Глядя, как стараются мотострелки, откидывая сырой песок из глубины окопов, наводчик Кравченко, улыбнувшись, сказал Щербакову: «Вот меня в «учебке» когда-то подкололи. Один раз на утреннем построении нам на день задачи нарезали – плац подметать, бордюры красить. Ну наш сержант и говорит, мол, есть ответственная работа – нужно БСЛом-110 траншею вырыть. Я обрадовался, думал это бульдозер или экскаватор какой, и вызвался. Оказалось, что БСЛ – это большая саперная лопата, а 110 – длина её черенка. Потом до вечера эту грёбаную траншею копал».

Окоп для Урала танковой роты отрыли танком невдалеке от ротной палатки, сами танки располагались метрах в тридцати от неё. За танковой палаткой в одну линию вытянулись огромные палатки других подразделений – мотострелковых рот и минометчиков. Во второй половине дня, лязгая гусеницами, показались самоходные артиллерийские установки артбатареи, прибывшие вторым эшеленом. Следом за ними на своих БТР-70 и ГАЗ-66 прибыла еще одна мотострелковая рота. Завернув к морю, они также стали рыть окопы, устанавливая палатки и обустраивать свой быт.

Через пару дней некогда пустынный пляж напоминал небольшой поселок с протоптанными вдоль и поперек тропинками, домами-палатками. Около каждой палатки стояли самодельные умывальники, сделанные из пластмассовых «полторашек» с обрезанным дном. На веревках, натянутых между вкопанных в морской песок жердей, сушились солдатские портянки, трусы и подштанники. Между стоявшей под палящими лучами бронетехники иной раз можно заметить неспешно ковыляющих собак и даже невесту откуда взявшуюся рыжую кошку, дремлющую на подножке затянутого масксетью КраЗа. Со стороны походной кухни доносился заманчивый запах тушенки и подгоревшей гречневой каши. Поутру в расположении службы ГСМ раздавались крики петуха. Только вот жители «поселка» одеты в одинаковую камуфлированную форму и у каждого на плече висит автомат.

Питание снова наладили – завтрак, обед и ужин в большой и душной палатке, вмещающей сразу несколько взводов. Наконец-то на обед можно поесть горячего супа или щей с настоящим хлебом вместо набившей оскомину тушенки и соленых галет. Хлеб в Каспийск ездил

закупать зампотыл второго мотострелкового батальона Хачатур Газарян, капитан лет тридцати с лишним. Ездил, конечно, не один, а с отделением мотострелков, вооруженных с ног до головы и одетых в каски и бронежилеты. Из открытых окон кабины ГАЗ-66, прикрывая дверцы, тоже свешивалось по бронежилету. Вокруг вроде бы никакой войны, но наготове нужно быть всегда.

И с помывкой теперь никаких проблем – Каспий, купайся – не хочу. Пропыленную и пропахшую потом одежду Щербаков попытался постирать в море хозяйственным мылом. Но мыло никак не хотело выполаскиваться в морской воде. «От души» натертые кепка и куртка, словно плесенью, покрылись белым мыльным налетом. Пришлось тащить мокрую одежду через все позиции к озеру. Еле пробравшись через непролазные кусты, Сашка кое-как отполоскал в пахнувшей тиной воде свои пожитки, заодно простирал и единственные камуфлированные штаны. Затем развесил всё на пушке своего танка и, сидя у катка в одной майке «алкоголичке» и старых трико с вытянутыми коленками, найденными в одном из ЗИПов, стал ждать, когда всё это просохнет. Во влажном морском воздухе одежда едва колыхалась на слабом бризе и высыхать не спешила. Пришлось на вечернее построение надевать еще сырые штаны и мокрую в районе карманов и подмышек куртку.

Стояли теплые августовские ночи. В воздухе чувствовался запах йода и морской соли. Где-то вдали светило зарево над Махачкалой, ближе желтели редкие огни пригорода Каспийска. Черные силуэты палаток и бронетехники мотострелкового батальона выделялись на более светлом фоне залитого лунным светом моря. Свесив босые ноги с теплой брони своего танка и глядя на серебрящуюся среди пологих волн Каспия лунную дорожку, Щербаков думал, что не всё так уж и плохо. Более того – хорошо.

«Кому еще могло так повезти? – размышлял Александр, неспешно покуривая отсыревшую в морском воздухе «Приму». – Когда я последний раз был на море? – классе в седьмом, когда еще Советский Союз был. И вот тебе армия – солнце, море, пляж. Только девушек и пива не хватает. Кому дома рассказать – не поверят. Только вот как скажешь, телефонов нет, письмо домой тоже писать не буду, чего родителей расстраивать. Они, наверное, смотрят новости по телевизору, а там неизвестно какие ужасы показывают. Надеюсь, бабушка сказала родителям, что я «в Ростовскую область на курсы молодых лейтенантов уехал». А война? Какая нафиг война! Тишина кругом, только шелест волн и редкие окрики часовых».

Но жизнь «на пляже» состояла не только из купания и принятия солнечных ванн. Даже далеко не из этого. День в Дагестане не отличался от обычного дня в воинской части. Плац, конечно, никто не мел – вокруг только морской песок, но остальные занятия вновь возобновились, как только быт на побережье был более-менее налажен. Абдулов написал расписание занятий на неделю с подробной расчасовкой. День начинался в 6 утра с подъёма и утренней физической зарядки. Лейтенанты-танкисты все, за исключением Щербакова, ежедневно проводили занятия с бойцами. Щербаков вместе с солдатами лазил по танку или внутри его и узнавал много нового, о чем не слышал (или прослушал и не запомнил) на военной кафедре в институте. Абдулов подробно и интересно рассказывал о силовой установке, об особенностях запуска двигателя, Прошкин научил правильно целиться с места наводчика танка, а Круглов – пользоваться радиостанцией. Кроме занятий, танкисты с первого дня занимались тем, что приводили в порядок свои танки, отмывали их от пыли и грязи, шприцевали катки, разбирали и чистили под присмотром Круглова тяжеленный клин затвора, весящий 72 килограмма и состоящий из множества непонятных Александру деталей.

На одном из батальонных построений всем солдатам и офицерам приказали сделать по два дополнительных «смертника». В пустую автоматную гильзу вкладывался маленький листок с домашним адресом и ФИО военнослужащего. Потом верхний конец гильзы сплющивали для герметичности. «Одну гильзу кладёте в штаны, вторую – в куртку, – сказал на построении замполит батальона капитан Сергеев, – чтобы, если вас разорвёт пополам, домой отсылать именно вашу верхнюю и нижнюю половины, – шутя, добавил он. – Уверен, до этого не дойдёт!»

Щербаков, несмотря на приказ, «смертники» себе делать не стал, будучи уверенным, что с ним ничего плохого не случится, да и «всё равно скоро домой».

В один из дней батальон стал свидетелем учений Каспийской флотилии. Танкисты, как всегда, обслуживали свою технику, пехота и артиллерия занимались своими делами. Из-за мыса, за которым находился город Каспийск, показались черные точки, плывущие по морю. Они становились всё больше, приближаясь к пляжу, где стоял мотострелковый батальон. Странный гул, словно кружит рой пчел, приближался, постепенно заглушая рокот прибоя. Точки превратились в большие корабли на воздушной подушке, а гул исходил от огромных пропеллеров, установленных на корме десантных машин с вертикальными плоскостями, напоминающими хвост самолета. На хвостах уже различались сине-белые андреевские флаги. Промчавшись мимо пляжа, корабли выскочили на берег в полукилометре от расположения батальона. На песок посыпались маленькие фигурки морских десантников, строчащих из автоматов по невидимым отсюда мишеням. Из недр кораблей выползали БМДшки – боевые машины десанта, похожие на маленькие танки, тоже стрелявшие куда-то. Через некоторое время десантники и БМД так же стремительно погрузились на корабли и умчались в синее море.

Учения

Через несколько дней, когда танки привели в порядок и заправили соляркой, командир роты Абдулов решил провести небольшие тактические учения, а именно наступление танковой роты повзводно. Извергая клубы черного дыма и разбрасывая в стороны белый морской песок, танки колонной выдвинулись в сторону песчаных карьеров, находящихся в паре километров от места расположения батальона. По левую сторону тянулся нескончаемый морской берег, по правую ощетинились колючками густые приозерные кусты. Наконец берег озера отвернул вдаль, местность стала пересекаться частыми оврагами и балками с множеством перепутанных между собой проселочных дорог. Полосы белого песка перемешивались с полосами рыжей глины, отчего пейзаж стал напоминать потрепанную лисью шкуру. Пыль, поднимаемая лентами гусениц, уносилась дующим с моря ветром в сторону далёких гор. Танки из колонны стали делать попытки перестроиться в одну линию. В наушниках слышался мат лейтенанта Абдулова, пытавшегося выстроить роту в движении. Наконец это получилось, но расстояние между бортами соседних танков в сто метров, как это положено при наступлении по фронту, сделать не удалось. Оно оказалось гораздо меньше в условиях сильно пересеченной местности. В результате два танка вообще потерялись где-то в оврагах. Вечером при подведении итогов от Абдулова досталось всем, включая командиров взводов, но больше этот эксперимент решили не повторять – в горах такое наступление вряд ли пригодится.

С утра новое задание – выверка прицелов по удаленной точке. Солнечный день. Танки подогнали к берегу озера и развернули в сторону темнеющих вдалеке гор, покрытых легкой дымкой. Прицелы наводили на торчащие километрах в трёх нефтяные вышки. Щербаков, засунув голову в люк наводчика, с интересом наблюдал, как командир роты Олег Абдулов подкручивал винты выверки. «Учись, Щербаков», – еще раз глянув в прицел, сказал Абдулов.

Выверка продолжалась до обеда, теперь снаряд, выпущенный из танка, должен точно попасть в цель. Осталось только проверить, как стреляют танки, ведь в любой момент мог поступить приказ выдвинуться для выполнения боевой задачи. Не купаться же и загорать они сюда приехали. А для этого необходимо осуществить проверку пушек боем, попросту, выстрелить из них. Но куда стрелять? Это же не танковый полигон – вокруг люди живут. Ближайший полигон находится в Буйнакске, а это километров шестьдесят. Решено было стрелять в море – по крайней мере, видно, что рядом кораблей нет и в трех-четырёх километрах от берега на лодках никто не плавает.

После обеда танковая рота запылила в сторону песчаных карьеров, где ранее попыталась имитировать наступление. Через пару километров танки завернули к морю, выстроились в одну линию, остановившись метрах в ста от набегающих на берег пологих волн, и по команде заглушили двигатели. Из желто-белого песка местами торчали раскидистые колючие лопухи, и кое-где пробивались тонкие стволы молодых деревьев. Рота построилась перед устремленными в сторону Каспия пушками. После привычных «равняйся-смирно» Абдулов поставил задачу – по команде поочередно каждый танк должен произвести выстрел в сторону моря, предварительно установив угольник прицела чуть выше морского горизонта. Задача каждого экипажа – просто выстрелить и доложить, а Абдулов, расположившись в своем танке чуть сзади танковой линии на пригорке, будет наблюдать за всем этим и командовать. Прозвучала команда «по машинам». Танкисты лихо заскакивали в люки своих танков, и механики, не мешкая, заводили стальные машины, пуская вверх клубы густого серого дыма. Щербаков тоже быстро залез в люк, подключил разъем провода на своем шлеме к радиостанции, Обух завел двигатель, не дожидаясь команды. Слева довольно шурился наводчик Кравченко, уткнувшись своим круглым лицом в прицел пушки. В наушниках зазвучал немного искаженный голос Абдулова: «Я Прокат Ноль-Один. Докладить о готовности!».

«Прокат 10 к стрельбе готов. Прокат 11 к стрельбе готов. Прокат 12...» – в наушниках слышалось, как командир каждого экипажа докладывает о готовности к стрельбе. Дошла очередь и до экипажа танка № 157, командиром которого был лейтенант Щербаков.

«Прокат Тридцать к стрельбе готов», – доложил он, прижав ларингофоны шлемофона покрепче к горлу. Прокат 31, Прокат 32 – теперь все экипажи доложили о готовности. Олег Кравченко ёрзал на узком сиденье, то опуская, то чуть приподнимая пушку. Наконец пушка замерла, угольник прицела слегка торчал над уровнем морского горизонта. В командирский прицел виднелись такие близкие каспийские волны, казалось, они сейчас забрызгают соленой водой броню и триплексы танка. Сзади, где-то почти под ногами, грохотал двигатель, без шлемофонов расслышать друг друга практически невозможно. В башне, нагретой влажно-жарким августовским воздухом, было душно и тесно. Сквозь прикрытый круглый люк голубым полумесяцем синело небо с белыми точками чаек. Щербаков из танка ни разу не стрелял, видел это только в кино, поэтому не знал, насколько громким будет звук выстрела. Перед стрельбой Кравченко успел сказать, что в момент выстрела нужно сильнее прижаться к резиновому налобнику прицела или, наоборот, убрать от прицела голову, так как отдача запросто может набить «фонари» сразу на оба глаза. В наушниках вновь зазвучал голос комроты: «Прокат десять, огонь!»

Через мгновение сквозь вой двигателя поблизости, как показалось Щербакову, что-то негромко бумкнуло, и через несколько секунд в прицеле он увидел огромный, даже издали, столб воды, возникший посреди моря. Голос старлея Прошкина в наушниках произнес: «Десятый выстрел произвел».

«Прокат одиннадцать, огонь!» – вновь прозвучал приказ Абдулова. И снова бумкнуло, но теперь ближе. Звук выстрелов постепенно приближался к танку Щербакова, однако за работающим дизелем и в надетом шлемофоне их почти не слышно, как будто за бетонной стеной на пол, устланный толстым слоем ваты, падает двухсотлитровая бочка. Наконец дошла очередь до экипажа № 157.

– Прокат тридцать, огонь!

– АЗе! – крикнул Щербаков, вспомнив, что нужно дать команду наводчику включить АЗ – автомат заряжания. Кравченко крепко прижал голову к прицелу и проделал несложные манипуляции на «чебурашке» – двуручном джойстике с кнопками управления прицелом и АЗ. Откуда-то снизу, из конвейера, появился серый снаряд, его мгновенно запихнул в канал ствола пушки специальный толкатель, за ним так же стремительно появился и исчез коричнево-желтый заряд, блеснувший дюралюминиевым дном.

– Огонь! – заорал Щербаков и вдавил лоб в резинку командирского прицела. Он приготовился к грохоту и отдаче, но чего-либо похожего на выстрел не произошло, ничего не грохнуло и даже не бумкнуло. Щербаков осторожно отстранил голову от прицела и повернулся налево. На него с недоумением смотрел Кравченко.

– Прокат тридцать, огонь, – вновь заорал комроты, – Тридцатый, выстрел произвел?

– Выстрел произвел? – эхом повторил Щербаков, глядя на Кравченко. Кравченко неуверенно пожал плечами.

– По-моему, нет, – ответил Александр Абдулову, всё еще глядя на своего наводчика.

– Как это «по-моему»? – Абдулов, видимо, синий от бешенства, орал в наушниках, – Отставить огонь, тридцатый! Как понял? Прием!

– Есть отставить огонь, – Щербаков опять озадаченно посмотрел на Кравченко.

Остальные танки продолжили стрельбу. Теперь звук выстрелов двух последних танков третьего взвода удалялся от щербаковского танка. И вот стрельба закончена, двигатели заглушены, и рота вновь построена позади пышущих жаром от разогретых трансмиссий танков. Танкисты, минуту назад по команде выпрыгнувшие из своих душных люков, с наслаждением вдыхали свежий морской бриз.

– Так, что у вас произошло? Почему не стреляли? Выстрел был? – лейтенант Абдулов гневно смотрел на экипаж Щербакова. Щербаков растерянно посмотрел по сторонам, – Товарищ лейтенант, да я ни разу из танка не стрелял, я так и не понял, был выстрел или нет.

– Кравченко, ты у нас стрелял раньше. Был выстрел? Какие были твои действия перед выстрелом? – Абдулов подался в сторону наводчика орудия, принявшего стойку «смирно».

– Как всегда, товарищ лейтенант, включил привод, затем расстопорил зеркало гироскопа, расстопорил червячную пару и включил стабилизатор, – заученно стал рассказывать рядовой Кравченко, опустил пушку, нажал АЗ...

– Ну и чем дело-то кончилось? – перебил его комроты.

– Я нажал «выстрел», а выстрела не было. По-моему, – неуверенно добавил Кравченко.

– А снаряд-заряд перед этим в канал ствола зашли?

– Да, зашли.

– О бя...

Рядом переминался с ноги на ногу механик-водитель Обухов. На его вечно чумазом лице застыла виноватая улыбка, как будто от него зависело, стрельнет танк или нет. Поняв, что Обух уж точно ничего не скажет по поводу выстрела, Абдулов дал команду роте разойтись, завел 157-й, отогнал его чуть в сторону и затем собрал командиров взводов на «совещание».

– Ну что делать будем, господа офицеры? – не глядя на Щербакова, обратился он к Круглову и Прошкину. – Хрен его знает, в чем там дело. Надо лезть, смотреть, но всё равно подождать нужно минут двадцать, а лучше полчаса. А то на Дальнем Востоке в части случай был – такая же фигня. Всё по правилам, АЗРы, снаряд и заряд зашли, а выстрела нет. Командир взвода с командиром роты сразу полезли смотреть, что не так, открыли затвор, и тут-то заряд и сдетонировал. Видимо, отсырел и произошла задержка возгорания. А эти двое слишком рано полезли.

– И что с этими офицерами? – Прошкин настороженно посмотрел на лейтенанта Абдулова.

– А ничего, нет их на белом свете. Поэтому подождем.

Пользуясь неожиданной передышкой, солдаты разделись по пояс, улеглись на горячем морском песке и принялись загорать, поворачивая к солнцу свои и так уже довольно коричневатые тела. На башне одного из танков отсвечивал босыми пятками часовой, с тоской смотревший по сторонам. Офицеры сидели не раздеваясь, лишь по локоть засучив рукава и на несколько пуговиц расстегнув не приспособленные к жаркому климату камуфлированные куртки. Лейтенант Абдулов посматривал то на набегающие пологие волны, то на свои «Командирские» часы.

– Пора, – наконец сказал он, – Вадим, ты на место командира лезешь, я на место наводчика. А там «по ходу пьесы». Лёха, – обратился Олег к Прошкину, – собери роту и пусть все залягут вон в том овраге, мало ли что. Часовых туда и туда, – он указал на торчавшие в разных сторонах от стоящих танков песчаные холмики, – и тоже пусть не высовываются.

Олег с Вадимом поднялись, отряхнули штаны от налипшего песка и медленно двинулись к отдельно стоящему от других танков 157-му. Через пару минут они скрылись в его башне, оставив люки открытыми. Рота залегла в небольшом овраге, образовавшемся, видимо, после весеннего половодья, а может, это был заброшенный карьер с пологими краями из сыпучего белого песка, сквозь который проступали рыжие глиняные полосы. Все устремили взгляд в сторону танка, в котором сейчас находились командир роты и командир второго танкового взвода. Тишину нарушал только свист ветра в танковых антеннах, медленно раскачивающихся в горячем послеполуденном воздухе. Щербаков чувствовал себя виноватым в случившейся ситуации, хотя в чем он виноват? Даже не он нажимал на кнопку. Но почему выстрела не было? Или был? Ожидание затягивалось. Из стоящего вдалеке танка не доносилось ни звука, тем более, что ветер дул в его сторону.

Наконец из люка командира вылез старлей Круглов с мокрым от напряжения лицом и широкими кругами пота в районе подмышек. Затем из люка наводчика показались руки Абдулова, державшие какой-то предмет, сверкнувший алюминиевым блеском на солнце. Щербаков вытащил из нагрудного кармана очки, быстро нацепил их. Предмет, который осторожно принял Круглов, оказался танковым зарядом. Так же осторожно Абдулов вылез из люка, спрыгнул на песок и бережно принял заряд из протянутых ему Вадимом рук. Все облегченно вздохнули, когда Абдулов скинул заряд в находящийся неподалеку глубокий карьер.

«Ну что, – обратился Абдулов к вновь построенной перед танками роте, – по-видимому, заряд отсырел. Накол капсуля произошел, а детонация – нет. Сейчас снаряд находится в канале ствола, и извлечь его на данный момент можно только одним простым способом – выстрелить».

Танк вновь завели, новый заряд, поднятый из конвейера вручную, был загнан в канал ствола теми же Кругловым и Абдуловым. Затем Абдулов, высунувшись из люка наводчика, поманил к себе стоящего рядом с грохочущим танком Щербакова.

«Лезь на место командира», – перекрикивая рёв двигателя, Олег показал на люк командира танка. Александр забрался на танк, скользнул внутрь башни, надел свой шлемофон, подключив его к радиостанции.

«Не слышал, как танк стреляет? – в наушниках зазвучал голос Абдулова, который повернул голову к Александру. – Слушай внимательно!»

В башне было светло от проникавшего в открытые люки солнечного света. Александр повернул голову и смотрел на ярко-желтый казенник ствола, разделявший его и вцепившегося в «чебурашку» Абдулова. Пушка поерзала вправо-влево, вверх-вниз и замерла. Снаряд и новый заряд находились в канале ствола.

«Выстрел!» – сам себе скомандовал Абдулов и нажал на кнопку. Сквозь грохот двигателя прорвался глухой звук выстрела. Казенник пушки дернулся назад, и всё на миг заволокло сизо-белым пороховым дымом. Тут же оставшийся от мгновенно сторевшего заряда дюралюминиевый поддон специальным захватом был выкинут наружу через маленький лючок, находящийся вверху башни. Дым быстро рассеялся, благодаря фильтровентиляционной установке, его остатки вытянуло через открытые люки.

– Понял? – Абдулов, отлипнув от прицела, посмотрел на Щербакова.

– Так точно, – прижав ларингофоны к горлу, ответил Александр. В его голове мелькнуло, что при стрельбе из автомата, насколько он помнил, уши закладывает сильнее, и от выстрела танка он ожидал гораздо большего. Хотя последний раз Щербаков из автомата стрелял много лет назад, на военной кафедре в институте, а танковый выстрел слышал, сидя внутри толстой башни, сквозь надетый на голову шлемофон и грохот двигателя. «Ну, может, когда и снаружи услышу», – подумал Александр.

Солнце висело еще достаточно высоко, и, чтобы не терять даром времени, командир роты решил устроить стрельбы из стрелкового оружия, закрепленного за каждым солдатом и офицером танковой роты. Вообще у офицеров должны быть пистолеты ТТ или ПМ, а у солдат-танкистов – АКС74У (тот же «Калашников», только с укороченным стволом и складывающимся для компактности прикладом). Но пистолет был только у одного человека мотострелкового батальона, находящегося сейчас в Дагестане – начальника оперативной группы майора Шугалова. У всех остальных – «калаши» различных модификаций. В танке на месте каждого члена экипажа для АКСУ имелись специальные крепления, к ним, по замыслу, должен крепиться этот небольшой автомат. Но по какой-то неведомой причине всем танкистам выдали обычные АКСы, которые не хотели вставляться в эти крепления, и каждый танкист пристраивал свой автомат, как ему удобно. Щербаков поставил свой справа, около радиостанции, привязав его за мушку ствола провололочкой к толстому кабелю, проходящему по внутренней белой обшивке башни. Туда же он повесил сумку с противоголомом. Кравченко привалил автомат к стенке башни слева от себя, а у Обухова он вообще валялся где-то в ногах, измазанный глиной, песком и всем

остальным, куда ступал сапог вечно чумазого пермяка. Поначалу у танкистов на поясе висел тяжелый и неудобный подсумок с четырьмя заряженными магазинами на тридцать патронов. Он постоянно мешал и за всё цеплялся. В конце концов с подсумками прodelали те же манипуляции – экипаж крепил их в танке, чтобы не мешались. Александр привязал свой в глубине башни над радиостанцией, рядом с противогазной сумкой.

В карьере развесили на жердях, связанных в виде крестов, заранее заготовленные самодельные мишени. Кто-то в ЗИПах нашел старые железные банки из-под солидола и пустые пластиковые полуторалитровые бутылки. Их тоже расставили на линии колышающихся бумажных листов с кругами и нарисованными силуэтами противника.

«Ну наконец-то, – подумал Александр, – хоть из автомата постреляю. А то приехал на войну – как танк стреляет не слышал, из автомата последний раз пять лет назад стрелял».

Первым к стрельбам приступил первый танковый взвод. Грохот, поднятый выстрелами из десяти автоматов, распугал реющих над побережьем чаек. В нос ударил давно позабытый запах сгоревшего пороха. Эхо металось среди стен глубокого глиняного карьера, горячие гильзы сыпались на рыжую землю, банки и бутылки, словно живые, плясали в диком танце, пробиваемые автоматными пулями. Пока дошла очередь до третьего взвода лейтенанта Щербакова, большинство банок и бутылок мало напоминало свою первоначальную форму, превратившись в решето. От бумажных мишеней остались лишь обрывки, поэтому третий взвод просто стрелял по тому, что осталось от мишеней, поднимая к небу фонтаны бурой пыли.

Александр еле дождался той минуты, когда, улегшись на еще горячую землю, перемешанную с песком, передернул затвор и выпустил первую длинную очередь в сторону мишеней. Треск выстрелов от своего автомата и автоматов стреляющих по обе стороны от него бойцов оглушал, уши сразу заложило, но это было новое, ни с чем не сравнимое ощущение. Сердце от какой-то детской радости бешено стучало в груди. Неважно, что пули не попадали по целям, тем более, что Щербаков не стал надевать очки, радовал сам факт того, что ты стреляешь из боевого оружия, мощного и смертоносного. Уже выпустив все пять магазинов, сидя на броне своего танка, Щербаков с колотящимся сердцем снова и снова переживал короткие мгновения стрельбы из автомата. В ушах до сих пор стоял тонкий звон, и все слова слышались, как будто в ушах застряли комки ваты.

Вечерело, солнце медленно опускалось за темнеющие вдалеке горы, и со стороны моря постепенно накатывала чернота южной ночи. Задача на сегодня была выполнена – пушки стреляли, никто стрелять не разучился. Танки выстроились в походную колонну и, ревя двигателями, запылили в сторону расположения мотострелкового батальона.

Утром всё побережье в районе батальона усыпало дохлой и полудохлой рыбой. Воблы, белорыбицы, судаки, большие и маленькие, прибитые утренним бризом, на боку или кверху пузом колыхались в набегающих пологих волнах. Прибоем часть рыбы вынесло на берег. В отдалении вяло шевелили жабрами пара среднего размера сомов и небольшой осетр. Танкисты, сами того не подозревая, устроили вчера «рыбалку», наглушив при стрельбе из пушек по морю кучу морских обитателей Каспия. Весть быстро разнеслась среди подразделений, и солдаты кинулись собирать рыбу, выбирая посвежее и побольше. Часть рыбы утащили на ПХД – пункт хозяйственного довольствия, где располагалась полевая кухня. В результате данного события сильно задержался обед, который по существу плавно перешел в ужин – с ПХД пропала вся соль. Солдаты, натащив наглушенной рыбы, решили её засолить, так как больше возможностей сохранить её для употребления не имелось. В результате послали гонцов на кухню за солью. Часть соли они выпросили у работающих на кухне сослуживцев, а вторую часть попросту украли. В итоге обед солить стало нечем. Зампотыл Хачатур Газарян, матерясь и обещая найти и поубивать сволочей, оставивших всех без обеда, уехал в Каспийск за солью. Ближе к вечеру ГАЗ-66, покачивая бронезилетами, свисавшими из опущенных боковых окон води-

тельской кабины с сидевшими в ней Хачатуром Гургеновичем и водителем-контрактником, показался перед въездным шлагбаумом. Зампотыл раздобыл где-то пару мешков соли и еще кое-какой провизии, включая дешевые огурцы-помидоры и другие, давно созревшие к этому времени фрукты и овощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.